

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.9>

Фомин Вячеслав Васильевич

"ВСЕ ОБНЯЛ ОН И ВО ВСЕМ УСПЕЛ": НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

В статье рассматривается состоятельность отрицательной оценки исторического наследия М. В. Ломоносова, проводимой сторонниками норманской теории. Обращение к трудам Ломоносова и уровню научного знания его времени показывает, что он стал, как и Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлецер, высокопрофессиональным историком в ходе самостоятельной и многолетней работы, создал обобщающие труды по русской истории (но их не способны были написать немецкие ученые) и сделал на заре становления отечественной исторической науки ряд важнейших открытий, в том числе в варяжском вопросе. Высоко об исторических сочинениях Ломоносова отзывались современники-иностранцы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/2/9.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 46-53. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 947

Дата поступления рукописи: 27.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.2.9>

В статье рассматривается состоятельность отрицательной оценки исторического наследия М. В. Ломоносова, проводимой сторонниками норманской теории. Обращение к трудам Ломоносова и уровню научного знания его времени показывает, что он стал, как и Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлецер, высокопрофессиональным историком в ходе самостоятельной и многолетней работы, создал обобщающие труды по русской истории (но их не способны были написать немецкие ученые) и сделал на заре становления отечественной исторической науки ряд важнейших открытий, в том числе в варяжском вопросе. Высоко об исторических сочинениях Ломоносова отзывались современники-иностранцы.

Ключевые слова и фразы: М. В. Ломоносов; А. Л. Шлецер; западничество; норманская теория; Петербургская Академия наук; речь – «диссертация» Г. Ф. Миллера.

Фомин Вячеслав Васильевич, д.и.н., профессор

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
vfoiniv@mail.ru

«ВСЕ ОБНЯЛ ОН И ВО ВСЕМ УСПЕЛ»: НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА

Историческим трудам М. В. Ломоносова даются в основном низкие и отрицательные оценки, давно вошедшие в учебники по историографии и тем самым априори формирующие соответствующую позицию будущих деятелей науки. При этом им противопоставляют труды немецких историков Г. З. Байера, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера, удостаивая их самых высоких похвал [56, с. 11-225; 57]. Отсюда весьма актуально обращение к вопросу состоятельности подобных оценок, напрямую связанных с проблемой становления российской исторической науки.

Одна из причин их появления объясняется тем, что подавляющая часть специалистов рассматривает варяжский вопрос через призму норманизма, точнее, шведского взгляда на русскую историю, порожденного желанием Швеции оторвать от предельно ослабленной Смутой России значительные земли (и впервые печатно высказанного в 1614-1615 гг., по емкой характеристике немецкого историка Г. Эверса, «пустомелей» П. Петреем [66, S. 53]). Но чуждость этого взгляда науке, исчерпывающе продемонстрировал именно Ломоносов, в связи с чем стал олицетворением антинорманизма вообще (хотя до него антинорманистами были немцы Б. Латом, Ф. Хемниц, М. Преторий, И. Хюбнер, Г. В. Лейбниц, Ф. Томас, Г. Г. Клювер, М. И. Бэр и др.), главной мишенью нападок норманистов [55, с. 8-57, 422-473; 56, с. 226-337].

Другая кроется в господстве, если привести слова К. Н. Бестужева-Рюмина от 1882 г., «в образованном обществе крайнего западничества» [4, с. 303], на уродливые проявления и губительность которого для России указывали в 40-50-х гг. XIX в. А. С. Хомяков и М. П. Погодин. Первый вел речь об «умственном порабощении» и «страсти к подражанию» нашей интеллигенции, второй подчеркивал, что «последний бродяга европейский... значил у нас больше всякого высшего ума отечественного» и что «пред пустозвонными словами иностранца мы готовы всегда преклонять главу, а своих слушать не хотим» (о «чужебесии» русских – бешеной любви и бешеном доверии «к чужеземцам» – с горечью рассуждал в 1660-1670-х гг. хорват Ю. Крижанич) [22, с. 497; 43, с. 245-246; 60, с. 558-563, 572, 576-579, 584, 587, 608-609, 612].

«Крайнее западничество» не могло не породить в нашей элите (так еще выражавшей свой страх перед собственным народом и свою ненависть к нему) русофобии, на наличие которой обращали внимание истинно просветленные русские умы в том же XIX веке. Например, А. С. Пушкин в 1836 г.: «Ты просвещением свой разум осветил, / Ты правды чистый лик увидел, / И нежно чуждые народы возлюбил, / И мудро свой возненавидел». Ф. И. Тютчев 20 сентября 1867 г. в письме к своей старшей дочери Анне советовал ее мужу И. С. Аксакову написать статью, в которой «следовало бы рассмотреть современное явление, приобретающее все более патологический характер. Речь идет о русофобии некоторых русских – причем весьма почитаемых» [44, с. 533; 54, с. 269, 271].

«Крайнее западничество» потомков Ломоносова перечеркнуло почти все научные заслуги гения невиданного – до сих пор! – масштаба. И понадобилось 100 лет после смерти этого, по оценке великого математика В. А. Стеклова, «умственного великана», опередившего более чем на целый век современников и уровень тогдашнего научного понимания, чтобы о его достижениях в области естествознания наконец заговорили его потомки (об открытии атмосферы на Венере, о законе сохранения вещества и энергии и др.). В связи с чем Г. В. Плеханов заметил в 1915 г.: «Пока выдающиеся люди *отсталой страны* не получают признание в *передовых странах*, они не добьются полного признания и у себя дома: их соотечественники будут питать более или менее значительное недоверие к своим “доморощенным” силам (“где уж нам!”)» [40, с. 217; 52, с. 5, 7, 65, 89, 103, 133, 185, 195].

А это «где уж нам!» жиждилось в том числе на приговоре «где уж им!», вынесенном Ломоносову в 1768 и 1802 гг. идолом норманистов А. Л. Шлецером, решившим, убедившись в невозможности опровергнуть антинорманизм покойного «полуученого, но все еще полуварвара», вычеркнуть его посредством дискредитации

из науки: «...ломоносовский метод работы с русской историей... является ненаучным и авантюрным», он «совершенный невежда во всем, что называется исторической наукою» (читал лишь свои летописи), в целом во всех науках «остался посредственностью», был отъявленным ненавистником и преследователем всех нерусских, клеветником, пьяницей и пр., отвергал с другими русскими историками скандинавство варягов потому, что среди них «нет ни одного ученого историка»: это «люди без всяких научных сведений», не знавшие ни одного иностранного языка. Отсюда, а также еще в силу патриотизма, «плачевны результаты» их деятельности (в глубоких размышлениях о прошлом Восточной Европы до IX в. В. Н. Татищева, владевшего латынью, древнегреческим, немецким, польским, знакомого с тюркскими, угро-финскими и романскими языками, Шлецер увидел «татищевские бредни») [34, с. 51-56, 70, 153-155, 187, 193-196, 198-231, 244, 272-273; 62, с. ркз-рки, рмв-рмд, рнө-рξ, 50, 67, 325, 391-392, 418-419, 429-430].

К его глумливому смеху над стремлением наших историков XVIII в. и в первую очередь Ломоносова смотреть на начало Руси русским, а не шведским взглядом дружно присоединились (не зря немецкий ученый отмечал, «что титул “иностранец” для образованного русского... священный» [34, с. 164]) большинство отечественных историков и филологов (а им вторили, еще больше усиливая антиломоносовский настрой в науке, авторитетнейшие представители революционно-демократической и марксистской мысли – В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, В. И. Ленин, Г. В. Плеханов [2, с. 331; 3, с. 366-395; 9, с. 297; 24, с. 65-68; 40, с. 212-218]). При этом ведя все более негодующий разговор о Ломоносове, особенно негативно трактуя его роль в обсуждении речи – «диссертации» Г. Ф. Миллера (параллельно с тем также настойчиво дискредитируя патриотизм, благодаря которому Россия стала великой).

В каком ключе в основном и шел разговор о Ломоносове, видно из мнений корифеев дореволюционной науки: он «хотел опровергнуть ясную, неоспоримую истину, что Рюрик и братья его были скандинавы», доказанную Байером, Миллером, Шлецером (Н. М. Карамзин), выводил варягов с Южной Балтики из-за ревности к этим немцам-норманистам, «для него ненавистным», и «патриотизма» (М. П. Погодин), против Миллера боролись судьи без «специального исторического образования», вооруженные против него «всею силой национального чувства» (П. С. Билярский), в основе прений Ломоносова с Миллером лежало «раздражение патриотическое, а не глубокое знание источников» (К. Н. Бестужев-Рюмин), он опротестовал замечательную «диссертацию» оппонента «не с научной точки зрения, но во имя патриотизма и национальности», проводил в «исторических исследованиях национальное пристрастие и нетерпимость» (П. П. Пекарский) [5, с. 210-211; 6, с. 756, 767-768; 17, с. 213-214, 216, 320; 36, с. 309, 380; 37, с. 144, 427-435, 473-475, 505-506, 560-570, 760; 41, с. 179-180].

Нападки Ломоносова (чьи «исторические догадки» не имеют «научного значения») на Миллера «вытекали из его патриотических взглядов» (В. О. Ключевский). В 1897 г. П. Н. Милюков (его научное и политическое кредо точно выразил в эмиграции историк П. Н. Савицкий: «Ты с виду сух и прозаичен, / Европе предан всей душой, / В унижении методичен / Всего, что Русь несет с собой»), также смотря на Ломоносова глазами Шлецера, заключил, что он представляет собой «патриотическо-панегирическое» направление, где главным была не истина. После чего пренебрежительно отнес его, а с ним В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, к «допотопному миру русской историографии... миру мало кому известному и мало кому интересному» (и самой превосходной оценки удостаивая, как повелось с Карамзина, немецких ученых) [21, с. 400-412, 446; 31, с. 7-10, 20, 31-35, 50, 71-95, 100, 103, 108, 119, 122-131, 146-147].

Из великих норманистов за Ломоносова (и за Татищева) заступился только С. М. Соловьев, констатируя в 1855 г., что им «принадлежит самое почетное место в истории русской науки в эпоху начальных трудов». Но вместе с тем привычно рассуждая (тогда и позже), в том числе в «Истории России с древнейших времен», о его патриотических чувствах, которые не позволили ему признать скандинавского происхождения варягов, и заключая, что он «был историк в своих одах и поэт или ритор в истории» (в совершенно ином, понятно, ключе Соловьев вел речь о Байере, Миллере и Шлецере, особо выделяя последнего, ибо ему принадлежит «первый разумный взгляд на русскую историю») [47; 48, с. 545-546, 549-551; 49, с. 534-536, 544-549, 553-554; 50, с. 274-275, 277, 279-280, 283-290; 51, стб. 1350-1357, 1360, 1362, 1539-1576, 1577-1584, 1610].

В отношении сегодняшних норманистов к Ломоносову за 210 прошедших лет со смерти Шлецера (1809) ничего не изменилось (только тон стал более нетерпимым), и ему все также отказывают в «почетном месте в истории русской науки в эпоху начальных трудов», все также сводя его позицию в варяжском вопросе к патриотизму. Так утверждали, например, в 1989-1992, 1996, 2005 и 2011 гг. А. Б. Каменский (Миллер же стремился показать все без изъяна, без прикрас: «...историк должен казаться без отечества, без веры, без государя») [10; 11, с. 38-41, 44-47; 12; 13, с. 448-449; 14, с. 388-389; 15, с. 374, 380, 383-385; 16, с. 18], в 1995 и 2004 гг. – А. А. Формозов (в источниковедческом отношении позиции Миллера, «специалиста высокого класса», «были более серьезно обеспечены, чем точка зрения его оппонентов») [58, с. 9-11, 14, 16-28; 59, с. 15-20].

В 2009-2010 гг. Л. С. Клейн говорил, с одной стороны, с пиететом о немецких ученых (при этом не объясняя, почему «за весь XVIII в. академики из иностранцев, – подчеркивал М. Н. Тихомиров, – не написали русской истории, хотя и были якобы исполнены всевозможными научными доблестями»). С другой – что Ломоносов не работал с летописями (хотя Шлецер отмечал обратное), «был предвзятым и потому никудышным историком... (но он-то как раз и “написал русскую историю”. – В. Ф.) и в их споре был, несмотря на частные ошибки, несомненно, кругом прав Миллер» (непонятно тогда, почему он затем варягов-русь выводил из Южной Балтики, как это делал Ломоносов), что, если историограф осуществлял кредо «быть верным истине, беспристрастным и скромным», то его противник «искал в истории прежде всего основу для

патриотических настроений», и что «нам теперь издалека очень хорошо видно»: Байер, Миллер, Шлецер «блюли пользу науки, а Ломоносов мешал ей» (нынешние антинорманисты – «дилетанты» и «ультрапатриоты» – «повторяют то, что в XVIII в. придумал Ломоносов, да так и не смог доказать»). Для «большой объективности» Клейн сказал, а это все тот же повтор клеветы Шлецера, о пьяных загулах и буянстве Ломоносова [19, с. 15-25, 89, 239-240, 250-255, 258; 20, с. 136-138, 614; 53, с. 98] (и также, конечно, не объясняя, как чуть ли не запойный пьяница, если послушать норманистов, был, по оценке академика В. А. Стеклова, «умственным великаном», по оценке академика Я. К. Грота, «богатырем мысли и знания», искавшим «истины, любя выше всего науку» [8, с. 16, 37-38]).

Стиль и содержание работ нынешних гонителей Ломоносова показывают, что мало кто из них читал его исторические труды. Но, чтобы их опорочить, нагромождают одну неправду на другую, переступая при этом через принципы исторической критики. Так, слова Миллера – «быть верным истине, беспристрастным и скромным», а историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя» – содержатся в его недатированном письме неизвестному, собиравшемуся написать историю Московского университета [36, с. 381]. Но по времени они прозвучали позже 1765 г. (года переезда историографа в Москву, когда он постепенно стал приобщаться к изучению ее прошлого), следовательно, не имеют никакого отношения к дискуссии по его речи 1749-1750 годов. А лишь показывают, как за прошедший после нее период он весьма серьезно вырос как историк (и также нельзя, разумеется, к разговору о Миллере-историке на этапе дискуссии примешивать его работы, вышедшие после 1750 г.).

Говорят они большую неправду и тогда, когда уверяют, что Байер, Миллер, Шлецер правы уже потому, что были историками, тогда как Ломоносов им не являлся. Этот тезис Шлецера, выраженный словами, «что от химика по профессии уже а priori можно было бы ожидать такой же отечественной истории, как от профессора истории химии» [34, с. 56], культивировали почти все наши исследователи. Ломоносов, отмечал Л. В. Черепнин в 1957 г., «не был профессиональным историком», а С. Л. Пештич в 1961 г. проводил мысль, что если иностранные ученые прошли, «как правило, университетскую школу», то их русские оппоненты «специальной исторической подготовки не имели» [39, с. 196; 61, с. 191].

Однако иностранные ученые не были «профессиональными историками», а должности «профессоров истории» получили по назначению, что не могло превратить их, даже по высочайшему повелению, в подлинных историков (но таковыми они стали, как и Ломоносов, в ходе самостоятельной и многолетней работы). За плечами Г. З. Байера был богословский факультет Кенигсбергского университета, где он защитил диссертацию о словах Христа на кресте («Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»). Затем, занимаясь в основном Востоком и Китаем, штудировал средневековых авторов, а в 1725 г. был приглашен в Петербургскую Академию наук на кафедру древностей классических и восточных языков.

Г. Ф. Миллер, учась в Рингельском и Лейпцигском университетах (но так и не закончив их), проявил интерес к этнографии и экономике, но с молодых лет, по собственному признанию, более прилегал «к сведениям, требуемым от библиотекаря» (в 20 лет он прибыл в Россию, а через 5 лет, не имея полноценного университетского образования и не зная русского языка, стал, вопреки воле академиков, профессором истории). А. Л. Шлецер был выпускником богословского факультета Виттенбергского университета, где защитил диссертацию «О жизни Бога». Затем год слушал лекции по филологическим и естественным наукам в Геттингенском университете, где увлекся филологической критикой Библии. Некоторое время спустя он в том же университете два с половиной года изучал медицину, естественные науки, математику, политику, статистику и др., мечтая совершить путешествие в Палестину, дабы затем написать большой труд «О животных Библии со стороны естественно-исторической» [4, с. 150-152, 158; 31, с. 89; 34, с. 1-2, 303; 36, с. 181-187, 309-310, 317-318].

И, разумеется, никакой «специальной исторической подготовки» они не могли получить в университетах, а лишь только могли – по оценке Шлецера, «в своих главных событиях» – ознакомиться с древней историей (об их сути говорит его «Представление всеобщей истории», вышедшее в 1772 г., в котором выделены периоды «от сотворения до потопа» – причем он «есть самый пустой: ни памятника, ни летописи из него не осталось» – и «от потопа до Рима»). Другие периоды в истории человечества никого тогда не интересовали. «Даже средневековая история, – отмечал П. Н. Милюков, – считалась недостаточно достойным сюжетом для исторической науки того времени» [31, с. 71-72, 82-86; 65, с. 60, 64-65, 84].

Поэтому до своего прибытия в Россию Байер, Миллер, Шлецер мало что знали из средневековой истории и не имели абсолютно никакого представления о русской истории, начав к ней приобщаться только по приезду в Петербург и только в той мере, в какой они овладевали русским языком, а затем древнерусским, языком летописей (но Байер не изучал русский язык принципиально, Миллеру же он давался долго). Некоторое исключение представляет Шлецер, который перед отъездом в Россию два с половиной месяца, по его словам, «усиленно» изучал ее, тут же отмечая, что она была «terra incognita, или, что еще хуже», совершенно ложно представлена «иностранцам большей частью людьми недовольными» [34, с. 3].

Шлецер прибыл в Петербург в ноябре 1761 г., после чего начал постепенно приступать к изучению прошлого России. В марте 1764 г. одному из своих корреспондентов он сообщал, что «русская история стала моим занятием в такой степени, что я без всякого раздумья хотел заменить ею библейскую филологию». Но еще тогда мысль о путешествии на Восток не покинула его, ибо по возвращению домой думал издать материалы по русской истории, «а на вырученные деньги прогуляться на Синай». Лишь три месяца спустя, в июне, в «Планах занятий», представленных в Академию наук, Шлецер сказал, что желает посвятить себя русской истории, обещая за три года создать «продолжение на немецком языке русской истории от основания

государства до пресечения рюриковой династии, по русским хроникам... с помощью трудов» Татищева и Ломоносова (и тут же перечеркивал, в силу, как отмечал В. О. Ключевский, «чрезвычайно распухшего самолюбия», все, что было сделано до него: «Это не значит продолжать то, на чем другие остановились, – но начать сначала») [21, с. 441; 34, с. 3, 9, 31, 176, 180, 288-290; 36, с. 374-375; 51, стб. 1561-1563].

Так что лишь с этого времени Шлецер, неплохо уже владея русским языком, занялся историей России (дополнительным стимулом тому послужило его назначение Екатериной II в январе 1765 г., в обход мнения академиков, профессором истории Академии). В ее изучение он по-настоящему стал втягиваться по возвращению в Пруссию, но так и не выполнил своего обещания, данного в «Планах занятий». Как признавался ученый в 1769 г., «для серьезных читателей я не способен написать связную русскую историю, тем менее для ученых историков-критиков». Спустя треть столетия Шлецер в «Несторе», представляющем собой комментарии к летописным известиям, вновь сказал, что «отказываюсь от всеобъемлющего начертания... а ограничиваюсь только *Нестором* и его ближайшим продолжителем, с небольшим до 1200 г.» [51, стб. 1571; 62, с. XXXVII] (труд заканчивается 980 г.).

Вместе с тем качество знаний немецкими учеными истории Руси и ее источников вызывало серьезные вопросы. К примеру, В. Н. Татищев, ставя высоко труды Байера, в то же время говорил о его ярко выраженной тенденциозности, приведшей к «неправым» натяжкам. К ним же его привело и незнание русского языка, т.е. он не читал летописи, «а что ему переводили, то неполно и неправо». Великий историк указал и на принципиальную ошибку Миллера, приписавшего, опубликовав в 1732-1735 гг. немецкий перевод извлечений из Радзивилловской летописи с 860 по 1175 гг., т.е. в основном из Повести временных лет (ПВЛ), «игумену Феодосию», что повторил затем Байер (и за ним также утверждая, что касоги летописи есть казаки, и в этом их вновь поправил Татищев) [56, с. 267, 274-276].

Г. Ф. Миллер, превознося Байера за «божественный талант и редчайшую ученость», вместе с тем констатировал, что он «утверждался... токмо на малом имях сходстве», поэтому «*Кия* почел за готфскаго царя *Книву*», а половцев связал с Полоцком. Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев добавляли, что он производил Москву от Москового, т.е. мужского монастыря, «Псков от псов, город псовый». Последний также указал, что Байер, идя к своим «странным» словопроизводствам «путем внешних филологических сближений», впал «в крайность»: в имени Святослав видел «скандинавский корень *свен*; во Владимире – Валдемара, во Всеволоде – Визавалидура» (Клейн сегодня, кстати сказать, утверждает, что имя Владимир, видимо, от германского Вольдемар) [18, с. 312; 19, с. 70; 29, с. 374, 377, 379; 51, стб. 1358-1359].

А. Л. Шлецер отмечал, что Байер излагает русскую историю не по русским источникам, ибо за двенадцать лет пребывания в России по-русски «никогда не хотел учиться». В связи с чем, завися «от неискренних переводчиков» летописи и слишком много веря сагам, наделал «важные» и «бесчисленные ошибки» (так, название восточнославянского племени «бужане» «прочитал *бусхаке* и поселил их... в Буджак на границе с Молдавией»), не мог «отличить настоящего Нестора» от сомнительной Степенной книги [34, с. 4, 47-49, 305; 62, с. рзі, рм-рма, рѣ, 49, 52-55, 391-392]. В адрес же Миллера говорил, что для занятия той же историей у него «не доставало знания классических литератур и искусной критики». Согласно П. Н. Милокову, Миллер, «приехав в Россию без серьезной ученой подготовки», позабыл и то, «что знал до приезда». С. В. Бахрушин заключал, «но ниоткуда не видно, чтобы он прошел хорошую школу работы над источником» [1, с. 28; 31, с. 75-76, 78, 81-82; 34, с. 30, 48].

Будущий «историограф Российской государства» и не мог ее пройти в принципе, ибо с детства проявлял, как уже говорилось, склонность «к сведениям, требуемым от библиотекаря». Потому он ехал в Россию лишь затем, чтобы стать зятем правителя Канцелярии Академии наук И. Д. Шумахера и наследовать его должность – библиотекаря академической Библиотеки. А заняться русской историей его вынудили обстоятельства, когда в августе 1731 г. рухнул его план породниться с Шумахером: «Тогда у меня исчезла надежда сделаться его зятем и наследником его должности. Я счел нужным проложить другой ученой путь – это была русская история... Смелое предприятие! Я еще ничего не сделал в этой области и был еще не совсем опытен в русском языке» [36, с. 318].

И чуть ли не 20 лет «ученой путь» Миллер пролагал в основном лишь составлением родословных таблиц. Как он отмечал в автобиографии, «и прежде и после Сибирского моего путешествия трудился я много в сочинениях родословных таблиц для российской истории» (когда И. Г. Штриттер приступил к написанию учебника по истории для школ, то, ознакомившись с материалами «миллеровских портфелей», не нашел ничего, что могло бы пригодиться для этого дела. «Удивительно однакож, – писал Штриттер 9 ноября 1783 г. академику Я. Я. Штелину, – что покойный историограф, кроме своих исторических таблиц, ничего не оставил обработанного по русской истории. Поэтому я сам собираю материалы из летописей»). Свои генеалогические изыскания ученый продолжал до начала 1748 года. Пока не перестарался, поднеся президенту Академии наук К. Г. Разумовскому родословную «высочайшей фамилии», хотя ему это и не поручалось. После чего ему было запрещено заниматься подобными исследованиями и приказано трудиться «как то изображено в его контракте» 1747 г.: издать несколько книг «Истории Сибири», а затем приступить к сочинению «истории всей Российской империи» [27, с. 58; 30, с. 153; 38, с. 128-129], которая так и не будет написана.

Пребывание Миллера в Сибири (1733-1743), работа над «Историей Сибири», ее длительное обсуждение и многочисленные правки вызвали огромный для науки перерыв в его и так довольно слабым интересе к истории Руси. И к ней он обратился лишь весной 1749 г., когда ему было поручено подготовить речь «об ученой материи» к торжественному заседанию Академии наук, причем президент предоставил «на его волю

избрать какой угодно ему предмет» [35, с. 46]. И Миллеру менее чем за полгода надлежало раскрыть им самим же избранный сложнейший «предмет» истории «О происхождении народа и имени российского», которым он доселе не занимался вовсе.

Задача была нереальной, но историограф решил ее единственным для себя возможным способом, представив, как заметил во время обсуждения его речи Ломоносов, «доводы... у Бейера занятые». В полном согласии с этим мнением звучит заключение В. О. Ключевского: ученый в речи «сказал мало нового, он изложил только взгляды и доказательства Байера». В наше время А. Г. Кузьмин подытоживал, что Миллер только «популяризовал разыскания Байера» и усиливал норманистский акцент там, где тот «оставлял возможности и иного решения» [21, с. 402; 25, с. 24-26, 31-32; 29, с. 377; 46, с. 237]. Но все же до абсолюта шведский взгляд на русскую историю довел в «Несторе» Шлецер. По Ключевскому, он, не будучи «достаточно подготовлен к научному изучению истории России», брал «пояснения у Байера, частью у Миллера. Трудно отыскать в изложении Шлецера даже новый аргумент в оправдание этой теории». По Миллюкову, Байер по сути исчерпал варяжский вопрос, в связи с чем «самое большое, что мог сделать Шлецер, это – снабдить извлечение из Байера некоторыми частичными возражениями и поправками». По Кузьмину, Шлецер «не прибавил ни одного нового аргумента к норманизму» [21, с. 449, 451-452; 31, с. 73-74; 46, с. 248].

Согласно Шлецеру, Восточная Европа до прихода скандинавов представляла собой «пустыню», в которой все было «покрыто мраком» и в которой «малочисленные и полудикие» люди жили «без правления... подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса», «у них не было никаких законов», «скотоводства» и «большого звероловства». И «кто знает, – заключал историк-германец на фоне созданной его воображением, как он сам же оценил, “пустоты” русской истории до Рюрика, – сколь долго пробыли бы они еще в этом состоянии, в етой блаженной для получеловека бесчувственности, ежели не были возбуждены» скандинавами-германцами, распространившими в их землях «человечество». После чего категорично заключал: «Руская история начинается от пришествия Рурика и основания русаго царства» шведами и что «никто не может более печатать, что Русь задолго до Рюрикова пришествия называлась уже Русью» [62, с. XXVIII, нд-не, 295, 325, 419-420, 422; 63, с. 168-169, 175, 178-180, 259-260, 288-289; 64, с. 347-348, 351].

Такой, как полагал С. М. Соловьев, «первый разумный взгляд на русскую историю» даже у норманистов вызвал возражение. П. Г. Бутков, подчеркивая, что Шлецер изображал Русь до прихода Рюрика «красками более мрачными, чем свойственными нынешним эскимосам», заключил: им «управляло предубеждение, будто наши славяне в быту своем ничем не одолжены самим себе», а все шведам. К. Н. Бестужев-Рюмин резюмировал, что взгляд увлеченного «гордостью своего немецкого патриотизма» Шлецера «на древнюю Русь, как на страну ирокезов, куда только немцы внесли свет просвещения, представил русскую историю в ложном свете». В 1847 г., т.е. спустя 38 лет после смерти Шлецера и выхода последней части «Нестора», М. П. Погодин констатировал, признавая принципиальную ошибку своего кумира в объяснении ранней истории Руси, что его «результаты... теперь уже ничего не значат» [4, с. 170; 5, с. 217; 7, с. 3; 42, с. 169-170].

И прав, конечно, М. Б. Свердлов, заключив в 2011 г., что Миллер и Шлецер, «которые претендовали на особое значение в изучении истории России, не создали и не могли создать обобщающих трудов, ей посвященных» [45, с. 832]. Но что нисколько не умаляет их заслуг перед русской исторической наукой, о которых обязательно надо вести разговор, причем без непременно противопоставления их заслугам Ломоносова (или наоборот). При этом, разумеется, не закрывать глаза на их ошибки, которые очень дорого обошлись науке (например, мысль Шлецера о том, что ПВЛ была испорчена позднейшими малограмотными переписчиками, в связи с чем в 1768 г. провозгласил задачу восстановления «чистого» Нестора, которая направила летописание по ложному пути). Одной из общих ошибок Миллера и Шлецера является их тезис, ставший для русских ученых аксиомой, что Ломоносов не был историком («искусной российской писатель» Ломоносов, утверждал в 1773 г. Миллер, «во всех почти науках прославиться старавшийся», «в истории и не оказал... себя искусным и верным повествователем» [28, с. 97-98]). Действительно, наш гений не был, как и сами эти немецкие ученые, профессиональным историком (а в XVIII в. их не могло быть вообще) и так же, как и они, «специальной исторической подготовки не имел», однако превосходил их по уровню и качеству своего образования.

Взрастая на русском Севере, аккумулировавшем народную память, он с детства впитывал историю Родины. Затем исключительно важную роль в становлении Ломоносова как историка сыграла учеба в Славяно-греко-латинской академии (1731-1735), классическое учение которой, по мнению академика Я. К. Грот, «поставило его на твердую почву европейской цивилизации: оно положило свою печать на всю его умственную деятельность, отразилось на его ясном и правильном мышлении, на оконченности всех трудов его» [8, с. 38]. Слушая в академии курсы истории, он овладевал в совершенстве латынью и читая по-гречески, изучает отечественные и зарубежные источники, а осенью 1734 г. побывал в Киево-Могилянской духовной академии, где активно приумножал знания русской и европейской истории «в чтении древних летописцев и других книг, написанных на славенском, греческом и латинском языках» [33, с. 74, 76].

В 1736 г. (январь-сентябрь) Ломоносов был студентом Петербургской Академии наук, в 1736-1739 гг. – Марбургского университета, в котором учился под руководством ректора, знаменитого философа, физика, математика Х. Вольфа. «Университетскую школу», если использовать выражение С. Л. Пештгича, Ломоносов закончил в 1739 г. с блестящей характеристикой «мирового мудреца» Вольфа [26, с. 571] (затем еще почти год осваивая во Фрейберге металлургию и горное дело). Успешно изучая на чужбине разные науки

(а также немецкий и французский языки), он занимается историей России, о чем говорит факт приобретения им «Истории о великом княжестве Московском» П. Петрея. А в «Оде на взятие Хотина» (1739) он сопоставляет Петра Великого и Ивана Грозного (как резюмировал С. М. Соловьев, «способность автора сопоставить их таким образом основывалась на изучении им русской истории»). В той же оде и в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739) Ломоносов использовал источники в виде выписок, сделанных в России: Казанский летописец, «Летописец начала царства царя и великого князя Иван Васильевича», Степенную книгу, Никоновскую летопись, ряд сочинений о Петре I, «Хронику польскую, жмудскую и всей Руси» М. Стрыйковского [33, с. 12-14, 16, 72-105, 150, 232; 48, с. 547-548].

В июне 1741 г. Ломоносов вернулся на Родину. 25 июля 1745 г. императрица Елизавета Петровна утвердила единогласное решение его старших коллег о присвоении ему звания профессора химии. Но его сверхкипучая энергия не могла ограничиться одной химией, и он плодотворно действует во многих других научных сферах, включая историю (тому благоприятствовали и его занятия естественными науками, в которых он привык рассуждать точными категориями. «Я не признаю никакого измышления и никакой гипотезы, – говорил ученый на заре научной деятельности, – какой бы вероятной она ни казалась, без точных доказательств, подчиняясь правилам, руководящим рассуждениями»). В связи с чем в январе 1749 г. именно его, а не официального историографа Миллера, попросил отрецензировать первый том своей «Истории Российской» В. Н. Татищев [25, с. 12-13; 26, с. 461-462; 56, с. 246-247]. Высокий уровень знания и понимания начальной истории Руси Ломоносовым полно продемонстрировала публичная дискуссия 1749-1750 гг. по речи – «диссертации» Миллера (в замечаниях на нее он апеллирует к показаниям Страбона, Плиния, Тацита, Спартиана, Прокопия Кесарийского, Иордана, папы Григория I Великого, Бертинских анналов, патриарха Фотия, ПВЛ, Константина Багрянородного, Саксона Грамматика, М. Стрыйковского, неуточненным «нашим летописцам» позднего времени, Никоновской летописи, Новгородской третьей летописи, Прологу, Синописису, к сочинениям Х. Гарткноха, Х. Целлария, Г. З. Байера).

Категорично не приняв «диссертацию», ученый констатировал, что она, поставленная на «зыблющихся основаниях», «весьма недостойна... и, по моему мнению, отнюд не может быть так исправлена, чтобы она когда к публичному действию годилась». К точно такому же заключению пришел тогда и академик Ф. Г. Штрубе де Пирмонт: «Академия справедливую причину имеет сомневаться, пристойно ли чести ее помянутую диссертацию публично читать и напечатавши в народ издать». В полном согласии с Ломоносовым говорили затем норманисты А. Л. Шлецер и А. А. Куник: первый охарактеризовал многие положения «диссертации» как «глупости» и «глупые выдумки», второй назвал ее «препустой» (инициатор обсуждения сочинения Миллера и опять же немец И. Д. Шумахер увидел в ней «галиматью») [56, с. 229-230, 247-248]. И Миллер в конечном итоге согласился с критикой своих оппонентов: «диссертация» была сочинена за три месяца, «что для такой материи, которую из историков всех народов собрать было должно весьма мало» (в 1773 г., когда она была напечатана в Геттингене «вторым уже тиснением, но сочинитель онаго никакого в том не имеет участия», автор заметил: «...поелику мы со дня на день более поучаемся, то сочинитель, если бы было его посоветовались, много сделал бы еще в оном перемены») [28, с. 97].

Над родной историей Ломоносов работал до своей кончины, сделав выдающиеся открытия (например, о складывании русской народности на полиэтничной основе, об участии славян в Великом переселении народов и падении Западно-Римской империи, о пребывании Руси в Восточной Европе до призвания варягов в 862 г., о выходе варягов из пределов славянской Южной Балтики). Итогом его, как заметил в 1865 г. известный славист П. А. Лавровский, «многогранного подвига» («вынужден был сам и удобрять, и вспахивать, и засеивать и боронить» «непечатую еще почву») стали прежде всего «Краткий Российский летописец» и «Древняя Российская история». «Краткий Российский летописец», в котором Лавровский видел «остов русской истории», был настолько востребован нашим обществом, что с 1760 по 1775 гг. вышел тремя изданиями (но тиража не хватало, и книгу переписывали от руки). И сразу же стал учебником, по которому несколько поколений русских людей изучало историю своей Родины от первых известий о славянах до Петра I включительно [21, с. 409; 23, с. 110-111].

По нему начинала свое знакомство с русской историей и за граница: в 1765, 1767, 1771 гг. книга увидела свет на немецком, в 1767 г. – на английском языках (в предисловии английского издания подчеркнуто, что он написан одним «из самых одаренных и учнейших людей» России). В рецензиях 1769 и 1772 гг. на «Древнюю Российскую историю» (вышла в 1768 г. на немецком, трижды – в 1769, 1773, 1776 гг. – на французском, в 1772 г. – на итальянском), опубликованных в разноязычных журналах, констатируется, что «точность и порядок, присущие этой истории, заставляют сожалеть, что г. Ломоносов не смог продолжить ее», что «эта полезная книга... проливает свет на часть русской истории, которая имеет еще много темных мест и совсем не обработана», и что «вот появилась хорошо изложенная и истинная история русского народа, после столь глупых, ложных и нелепых трактатов» [25, с. 445-447, 528-540, 550-557; 26, с. 593, 882-883].

Ломоносов очень много занимался эпохой и личностью Петра I, стрелецкими бунтами, в целом историей XVII века. В 1757 г. он написал «Примечания» на рукопись первых восьми глав «Истории Российской империи при Петре Великом» М. Ф. А. Вольтера (где исправил многочисленные ошибки, и все эти поправки были приняты автором), подготовил для него «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи» (которое затем европейская знаменитость во многих случаях почти дословно воспроизвел в своей «Истории»), «Сокращенное описание самозванцев», «Сокращение о житии государей и царей Михаила, Алексея

и Феодора», «Сокращенное описание дел государевых» Петра Великого, в 1760 – «Замечания на первый том “Истории Российской империи при Петре Великом” Вольтера» (сегодня М. Б. Свердлов расширяет число исторических трудов, созданных Ломоносовым). Ему же принадлежит «Краткая история о поведении Академической Канцелярии» (1764), представляющая собой первый обзор деятельности нашей Академии с момента основания и проникнутая главной идеей нашего гения, на реализацию которой он положил всю свою жизнь без остатка: «...чтобы науки возросли и распространились в России» [25, с. 66-92, 224-226, 517-527; 26, с. 316; 45, с. 688-697].

В 1765 г., в год смерти Ломоносова, граф А. П. Шувалов так обрисовал в целом заслуги и гигантские возможности этого «великого человека» и «первого ученого России», окруженного «славой и всеобщим удивлением своих соотечественников»: «...все обнял он и во всем успел» [32, с. 33-35]. В том числе и в изучении истории России (а также всеобщей). Но чтобы это увидеть, надлежит смотреть на его наследие без норманистской предвзятости.

Список источников

1. Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2-х т. М.: Восточная литература, 1999. Т. I. С. 17-65.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. XII. 596 с.
3. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1981. Т. 7. 799 с.
4. Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики (летописцы России). М.: Век, 1997. 320 с.
5. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история: в 2-х т. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1872. Т. 1. 742 с.
6. Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1865. 820 с.
7. Бутков П. Г. Оборона летописи русской, Нестеровой, от наветов скептиков. СПб.: В типографии Императорской российской академии, 1840. 4+VI+464+LXVII с.
8. Грот Я. К. Очерк академической деятельности Ломоносова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1865. 41 с.
9. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. М. – Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 4. 495 с.
10. Каменский А. Б. Академик Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // История СССР. 1989. № 1. С. 144-159.
11. Каменский А. Б. Герард Фридрих Миллер – историк России // От Рейна до Камчатки. К 300-летию со дня рождения академика Г. Ф. Миллера: каталог выставки. М.: Древлехранилище, 2005. С. 39-47.
12. Каменский А. Б. Ломоносов и Миллер: два взгляда на историю // Ломоносов: сб. статей и материалов. СПб.: Наука, 1991. Т. IX. С. 39-48.
13. Каменский А. Б. Миллер // Исторический лексикон. XVIII век: энциклопедический справочник. М.: Знание, 1996. С. 447-449.
14. Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...». СПб.: Лениздат, 1992. 447 с.
15. Каменский А. Б. Судьба и труды историографа Герхарда Фридриха Миллера (1705-1783) // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 374-415.
16. Каменский А. Б. Человек нового времени. Ломоносов на фоне эпохи // Родина. 2011. № 9. С. 16-19.
17. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12-ти т. М.: Наука, 1989. Т. I. 640 с.
18. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12-ти т. М.: Наука, 1991. Т. II-III. 832 с.
19. Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.
20. Клейн Л. С. Трудно быть Клейном: автобиография в монологах и диалогах. СПб.: Нестор-История, 2010. 730 с.
21. Ключевский В. О. Лекции по русской историографии // Ключевский В. О. Сочинения: в 8-ми т. М.: Политиздат, 1959. Т. VIII. С. 396-452.
22. Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965. 735 с.
23. Лавровский П. А. О трудах Ломоносова по грамматике языка русского и по русской истории // Слово о Ломоносове: сборник статей и монографий / сост. и ред. В. В. Фомин. М.: НП ИД «Русская панорама», 2012. С. 93-114.
24. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1959. Т. 6. XVI+619 с.
25. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Изд-е 2-е, испр. и доп. М. – СПб.: Наука, 2011. Т. 6. 686 с.
26. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. + доп. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1957. Т. 10. 936 с.
27. Материалы для истории Императорской Академии наук (1748-1749 (январь-май)). СПб.: Типография Императорской АН, 1897. Т. 9. II+826 с.
28. Миллер Г. Ф. О народах издревле в России обитавших // Миллер Г. Ф. Избранные труды. М.: Янус-К; Московские учебники и картолитогрфия, 2006. С. 57-99.
29. Миллер Г. Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В. В. Ломоносов. Гений русской истории. М.: Русская панорама, 2006. С. 366-398.
30. Миллер Г. Ф. Описание моих служб // Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2-х т. М.: Восточная литература, 1999. Т. I. С. 150-157.
31. Милоков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд-е 3-е. СПб.: Изд-е М. В. Аверьянова, 1913. XII+342 с.
32. Михаил Ломоносов глазами современников / сост., подгот. текста и примеч. Г. Г. Мартынова; под ред. Б. А. Градовой. М.: Ломоносов, 2011. 536 с.
33. Моисеева Г. Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л.: Наука, 1971. 284 с.
34. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. СПб., 1875. XII+532 с.
35. Пекарский П. П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865. IV+128 с.
36. Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге: в 2-х т. СПб., 1870. Т. I. LXX+775 с.
37. Пекарский П. П. История императорской Академии наук в Петербурге: в 2-х т. СПб., 1873. Т. II. 6+LVIII+1012 с.
38. Пекарский П. П. О переписке академика Штеллина, хранящейся в императорской публичной библиотеке // Записки Академии наук. СПб., 1865. Т. 7. Кн. 2. С. 117-133.

39. Пештич С. Л. Русская историография XVIII века: в 3-х ч. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1961. Ч. I. 276 с.
40. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли: в 3-х т. М.: Мир, 1915. Т. II. 268 с.
41. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории: в 7-ми т. М.: Университетская типография, 1846. Т. 2. X+426 с.
42. Погодин М. П. О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачева, Лопова, Кавелина и Соловьева по части русской истории // Москвитянин. 1847. Ч. 1. С. 155-184.
43. Погодин М. П. Сочинения: в 5-ти т. М.: Синод. тип., 1874. Т. 4. 388 с.
44. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 2. 688 с.
45. Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. 916 с.
46. Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / сост. А. Г. Кузьмин. М.: Флинта; Наука, 1998. 488 с.
47. Соловьев С. М. Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти кн. М.: Мысль, 2000. Кн. XXIII. С. 39-69.
48. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15-ти кн. М.: Соцэргиз, 1963. Кн. XI. Т. 21-22. 648 с.
49. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15-ти кн. М.: Мысль, 1965. Кн. XIII. Т. 25-26. 647 с.
50. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 18-ти кн. М.: Голос, 1998. Кн. XII. Т. 23-24. 736 с.
51. Соловьев С. М. Собрание сочинений С. М. Соловьева. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1901. 4 с. + 1616 стб.
52. Стеклов В. А. Михайло Васильевич Ломоносов. Берлин – П.: З. И. Гржебин, 1921. 203 с.
53. Тихомиров М. Н. Русская историография XVIII века // Вопросы истории. 1948. № 2. С. 94-99.
54. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: в 6-ти т. М.: Классика, 2004. Т. 6. 612 с.
55. Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.
56. Фомин В. В. Ломоносов: гений русской истории. М.: Русская панорама, 2006. 488 с.
57. Фомин В. В. Ломоносовофобия российских норманистов // Фомин В. В. Варяго-русский вопрос в историографии. М.: Русская панорама, 2010. С. 203-521.
58. Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. М.: Радикс, 1995. 158 с.
59. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2004. 315 с.
60. Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 784 с.
61. Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века: курс лекций. М.: Изд-во Московского ун-та, 1957. 306 с.
62. Шлецер А. Л. Нестор: в 3-х ч. СПб., 1809. Ч. I. 717 с. [разд. паг.]
63. Шлецер А. Л. Нестор: в 3-х ч. СПб., 1816. Ч. II. 2+VI+834 с.
64. Шлецер А. Л. Нестор: в 3-х ч. СПб., 1819. Ч. III. XII+687 с.
65. Шлецер А. Л. Представление всеобщей истории. СПб., 1809. 227 с.
66. Ewers J. P. G. Vom Ursprunge des russischen Staats. Riga – Leipzig, 1808. 271 S.

**“HE MANAGED TO EMBRACE AND SUCCEED IN EVERYTHING”:
ENDURING VALUE OF M. V. LOMONOSOV’S HISTORICAL HERITAGE**

Fomin Vyacheslav Vasil’evich, Doctor in History, Professor
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
vfominv@mail.ru

The article discusses the consistency of the negative assessment of M. V. Lomonosov’s historical heritage conducted by the supporters of the Norman theory. The appeal to Lomonosov’s works and the level of scientific knowledge of his time shows that he became, like G. Z. Bayer, G. F. Muller, A. L. Schlozer, a highly professional historian in the course of independent and long-term work, created generalizing writings on the Russian history (the German scientists were not able to produce them) and made a number of important discoveries at the dawn of the development of the national historical science including in the Varangian issue. Foreign contemporaries set a high value on Lomonosov’s historical writings.

Key words and phrases: M. V. Lomonosov; A. L. Schlozer; Westernism; Norman theory; Saint Petersburg Academy of Sciences; speech – “dissertation” by G. F. Muller.